

Цикл «Губернский детектив»

Происшествие
в городе Т.

Кроваво-красные
бисквиты

След механической
обезьяны

Смерть в салоне
восковых фигур

Губернский детективъ

ЛЕВ

БРУСИЛОВ

Смерть в салоне
восковых фигур

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б89

Иллюстрация *Nictorien*
Редактор серии *Анастасия Осминина*
Оформление серии *Екатерины Петровой*
Дизайн обложки *Радиа Фахрутдинова*

Брусилов, Лев.

Б89 Смерть в салоне восковых фигур / Лев Брусилов. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-211640-7

В губернском городе Татайре есть множество всяких развлечений, и клубы, и даже свой салон восковых фигур. Его устроил купец первой гильдии Иван Пядников, что многие сочли чудачеством. Но однажды утром в салоне находят тело самого владельца. Казалось бы, ничего необычного в смерти от сердечного приступа нет, но доктор все же обнаружил некоторые странности. Полковник фон Шпинне, к которому доктор обратился с сомнениями, вначале отмахнулся от дела, но любопытство все же взяло верх. Что купец делал в салоне ночью? Действительно ли там видели привидение? И связана ли с этим делом новая смерть? Фому Фомича ждет новое расследование.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211640-7

© Брусилов Л., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. СМЕРТЬ КУПЦА ПЯДНИКОВА	7
Глава 2. ПОЛИЦЕЙСКИЙ КУЧЕР	16
Глава 3. ОСМОТР САЛОНА ВОСКОВЫХ ФИГУР	23
Глава 4. ЗНАКОМСТВО С ТИМОФЕЕМ ЗРЯКИНЫМ	34
Глава 5. ЖЕНЩИНА В САЛОНЕ	42
Глава 6. КТО ПОГАСИЛ СВЕЧУ	48
Глава 7. ГОРОДОВОЙ СИВОЛАПОВ	54
Глава 8. С КЕМ БЕСЕДОВАЛ ПЯДНИКОВ	61
Глава 9. ФОМА ФОМИЧ ГОВОРIT С КОЧКИНЫМ	66
Глава 10. СИВОЛАПОВ	73
Глава 11. КАРМАНЫ ГОРОДОВОГО	80
Глава 12. ЗАПИСКА	89
Глава 13. УБИЙСТВО СИВОЛАПОВА	98
Глава 14. КОЧКИН И КВАРТИРНАЯ ХОЗЯЙКА	106
Глава 15. СЛЕДОВАТЕЛЬ СВЕРЧКОВ	115
Глава 16. КОЧКИН НЕ МОЖЕТ ПОВЕРИТЬ	122
Глава 17. ПОЧЕМУ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВСЕГДА ДУРАК	128
Глава 18. КОЛОМЯТОВ ВЕДЁТ СЕБЯ СТРАННО	133
Глава 19. ДЕМИДОВ ВСПОМИНАЕТ	138
Глава 20. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЛАНЫ	144
Глава 21. РАССКАЗ ТОРГОВЦА ВОСКОМ	149
Глава 22. ФОМА ФОМИЧ ОКАЗАЛСЯ ПРАВ	158

Оглавление

Глава 23. МЕЩАНКА КОЛОМЯТОВА	163
Глава 24. ДЕЖУРНЫЙ ПО СТАНЦИИ	169
Глава 25. СОМОВСКИЙ ИСПРАВНИК	176
Глава 26. ОБЕД	183
Глава 27. КОЧКИН РАССПРАШИВАЕТ ИСПРАВНИКА	188
Глава 28. НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ О КОЛОМЯТОВЕ	194
Глава 29. КОЛОМЯТОВ РАССКАЗЫВАЕТ	201
Глава 30. ПОДОЗРЕНИЕ В УБИЙСТВЕ	207
Глава 31. КОЧКИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ТАТАЯР	213
Глава 32. РАЗГОВОР ФОН ШПИННЕ С ЛЮДМИЛОЙ	221
Глава 33. РАССЛЕДОВАНИЕ НАЧАЛОСЬ	227
Глава 34. НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ из жизни Пядникова	234
Глава 35. РАЗДВОЕНИЕ КОЛОМЯТОВА	241
Глава 36. ВТОРОЙ РАЗГОВОР КОЧКИНА С КАШИНЦЕВОЙ	249
Глава 37. ОБЪЯВЛЕНИЕ В «ГУБЕРНСКОМ ЛИСТКЕ»	259
Глава 38. КВАШНИН	266
Глава 39. ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ	273
Глава 40. ЛИСЬЯ РОТОНДА	278
Глава 41. ПОПЫТКА ВОССТАНОВИТЬ ХРОНОЛОГИЮ	283
Глава 42. ПОЛИЦЕЙСКАЯ РУТИНА	289
Глава 43. НЕОЖИДАННЫЙ ИСХОД МИРНОЙ БЕСЕДЫ	295
Глава 44. ДОПРОС ГОЛОВНИ	302
Глава 45. ГОЛОВНЯ РАССКАЗЫВАЕТ, КАК ДЕЛО БЫЛО	313
Глава 46. КВАРТИРА НА ДЕГТЯРНОЙ УЛИЦЕ	321
Глава 47. СЛЕЖКА ЗА ГОЛОВНЕЙ	329
Глава 48. ИЗ-ЗА ЧЕГО СЫР-БОР	338

ГЛАВА 1

СМЕРТЬ КУПЦА ПЯДНИКОВА

Ещё только начало светать, а сенная девка Палашка, неприбранная и нечёсаная, в старом кубовом сарафане, цвет которого из синего превратился в лазоревый, уже спускалась по скрипучей, пахнущей мастикой, деревянной лестнице на первый этаж пядниковского дома, где в левом крыле располагался известный на весь губернской город Татаяр и его окрестности салон восковых фигур. Скульптуры для него были куплены Иваном Христофоровичем Пядниковым, хозяином дома, несколько лет назад у какого-то немца. Сказывали, будто немец этот после сделки много и сильно радовался, — дескать, наконец-то избавился от бремени копеечного дела. Что именно заставило «сурьёзного» купца, владельца доброй половины каменноломен губернии, где добывался не только бутовый камень, а ещё и граниты и мраморы, заняться таким необычным делом — неизвестно. Многие считали — это такое чудачество, когда у человека денег много, очень хочется ему что-то купить: зудит, свербит, чешется, а что купить, не знает. Тут и появляется какой-нибудь советчик хитромордый: «А не купить ли тебе, Иван Христофорович, чучела восковые, то-то все удивятся...» — «А вот возьму и куплю!

Вот возьму и куплю! Они-то думают там, что я здесь... а вот вам фигушки!» Но это, конечно же, люди додумывали; как на самом деле было, повторимся — неизвестно.

* * *

В обязанности Палашки входило каждое утро, не исключая и дня воскресного, приходиться в салон и мягкой метёлкой из перьев белой цапли сметать с фигур осевшую за ночь пыль.

Работа эта ей нравилась. Палашка могла с выставленными в зале венценосными особами вести себя совершенно свободно, а порой, когда никто не видит, даже озорничать. К примеру, взять и съездить метёлкой по носу императору Рудольфу, да ещё и сказать при этом:

— Ну, что вытаращился, мусью, это я с тебя пыль сбиваю! Кабы не я, то совсем бы грязью зарос, ампирактор!

Девка вошла в салон. Осторожно ступая в темноте, направилась к шкафчику, где хранилась метёлка. Метёлка была особой гордостью Палашки; поначалу, когда салон только открылся и Иван Христофорович вручил ей это чудо расчудесное и, тяжело дыша, объяснил, что нужно делать, она не могла поверить в то, что ей доверяют это великолепии. Держала метёлку робко и торжественно, как скипетр. А потом обвыклась, поняла, что это всего лишь барская метла.

Летом Палашка никогда свечей не зажигала, на ощупь находила висящий на гвоздике ключ, вставляла в замочную скважину и отпирала шкаф. На этот раз ключ висел не на гвоздике, как прежде, а на шее у девки. Она решила носить его с собой, ей почему-то последнее время казалось, что у неё хотят украсть метёлку. Она даже сказала об этом приказчику Климу, но тот только рассмеялся.

На стенах салона, обтянутых льняными шпалерами с голландскими видами, и на стоящих в две шеренги фигурах уже лежал лёгкий розовый свет занимающейся

зари, а вот пол ещё тонул во мраке. В воздухе остро пахло воском.

В шкафу ничего, кроме метёлки, не хранилось, и нужды запирать его, скажем правду, не было. Но так мог рассуждать только человек, ничего не понимающий в сохранности вещей. Палашка думала иначе. Ей казалось, что именно запираение делает её работу важнее, чем она есть на самом деле.

Свечу сенная девка не зажгла, но по салону шла уверенно. Делала это не в первый раз, и никогда с ней ничего не случалось.

Однако в то утро...

Палашка неожиданно наткнулась на что-то, лежащее под ногами, и что было в ней девичьей гордости, грохнулась на пол, едва успев подставить руки, чтобы смягчить падение.

Сначала она ругнулась, правда негромко и несильно, а так, чтобы боль спугнуть. Потом принялась шарить в темноте, пытаясь выяснить, что же такое лежит на полу, чего тут раньше не было. Ладони её легли на что-то большое и упругое. Глаза уже пообвыкли к темноте, и она, к ужасу своему, увидела: на полу, раскинув руки, точно распятое, лежит тело человека!

Пригляделась: «Так это ведь хозяин — Иван Христофорович! Неужто пьяный? Опять в салон спускался. В последнее время он каждую ночь сюда ходит, а вот спать здесь впервые улёгся».

— Иван Христофорович! — негромко позвала Палашка.

В ответ — ничего, молчал хозяин. Видно, сильно пьян был. Правда, пугало то, что дыхания не слышно, а ведь он всегда дышит, как паровая машина, да ещё храпит, так что дом содрогается. А тут — тишина...

Девка поднялась на колени, осторожно коснулась своими дрожащими пальцами руки Ивана Христофоровича

и тут же отёрнула их. Кожа хозяина была холодной, как забытый на морозе самовар. Страшная догадка поразила Палашку. Она вначале быстро, точно рак, попятилась, потом вскочила на ноги и, дико вопя, кинулась вон из салона...

* * *

Когда несколько лет назад начальник сыскной полиции барон фон Шпинне впервые переступил порог своего будущего кабинета на улице Пехотного капитана, то буквально остолбенел от его убранства. Комната была обставлена в лучших традициях купеческого рококо. Чего здесь только не было, — может быть, только клетки с двумя канарейками. Хотя, если бы в особняке нашлись канарейки, они бы тоже были здесь. Впоследствии Фома Фомич узнал, что его подчинённые, в неудержимом желании угодить будущему начальнику, собрали со всего дома всё, что им показалось достойным стоять в кабинете полковника, а что не вошло, они разместили в коридоре вдоль стены. Это вызвало у начальника неудержимый смех, жизнерадостный и громкий. Даже зеленщик из лавки напротив выбежал на улицу — не случилось ли чего?

Из всего, что находилось в кабинете, начальник сыскной, указывая пальцем, велел оставить стол — двухтумбовый, дубовый, с выстланной зелёным сукном столешницей, напольные мозеровские часы в ореховом футляре, ситцевый диван, несколько стульев, лаковую ширму, шкаф для бумаг и буковую вешалку. Всё остальное потребовал выбросить вон.

«Ну ладно прочее, — перешёптывались между собой стражники, вытаскивая из кабинета мебель, — а вот это чем ему не угодило? — Они указывали на инкрустированный перламутром столик-бобик с кривыми, как у французского бульдога, ножками. — Замечательная барская вещь... чем не угодила?»

А вот тяжёлые шторы на окнах начальник сыскной сорвал собственноручно и, громко чихая, выкинул их в коридор, туда же отправились и несколько горшков с бальзамино́м.

— Окна вымыть! Немедленно! — гремел с верхнего этажа голос Фомы Фомича. — И ещё, судя по запаху, здесь где-то лежат пучки сухой лаванды и чабреца, отыскать и тоже выкинуть!

* * *

Днём сегодняшним начальник сыскной сидел в своём теперь уже уютном служебном кабинете и просматривал присланные сыскными приставами сводки. Они не радовали. Много краж совершалось в губернском городе Татаяре, хотя в массе своей воровство мелкое, копеечное. Чужое брали не для наживы, а из бедности. Но какими бы ничтожными эти преступления ни являлись, полиции приходилось их фиксировать и по возможности расследовать, пусть даже в перечне похищенного значились одни только старые, истлевшие портянки.

Барону это претило, однако он смирился, полагая, что таков его жизненный удел.

В дверь постучали.

— Да! Войдите! — бросил, поднимая взгляд от бумаг, Фома Фомич. В кабинет протиснулся дежурный — низкорослый, но с широкими, как дверной проём, плечами.

— К вам доктор Викентьев! — Голос глухой, с хрипкой.

— Проси! — не раздумывая, проговорил начальник сыскной, собрал документы в стопку и отложил в сторону.

Фома Фомич не водил дружбы с доктором, но их отношения можно было назвать приятельскими. Время от времени они вместе обедали. Всё же Викентьев очень редко приходил на улицу Пехотного капитана, поэтому начальник сыскной сразу подумал, что у доктора какое-то важное дело.

Викентьев вошёл в кабинет энергично и шумно. Дышал тяжело, очевидно избегал по лестнице. Светлый льняной пиджак расстёгнут, соломенная шляпа в руках. Доктор — человек среднего роста, темноволос, благообразен, тучноват, румян и весел. В тёмно-карих глазах огонёк достатка и никакого уныния провинциального интеллигента. Единственный вывод, который можно было сделать, глядя на него со стороны: доктор доволен собой и своим положением.

Он быстро, в два шага пересёк кабинет, крепко пожал руку начальника сыскной, выразил неудовольствие установившейся жарой и стал оглядываться — куда бы сесть.

— Вы знаете, Фома Фомич, — сказал он, положив шляпу на стол и взяв стул, — меня сюда привёл странный случай. Он может показаться вам не заслуживающим внимания, возможно, — доктор сел, — однако меня он насторожил...

— Что за случай? — спросил несколько сухо фон Шпинне.

— Вы, надеюсь, слышали о смерти купца Пядникова?

— Да! Говорят, сердце не выдержало, умер прямо в своём салоне.

— Верно, я сам осматривал тело, и у меня не возникло в этом никаких сомнений, кроме одного... — Доктор замолчал, следя за реакцией начальника сыскной, однако тот спокойно ждал продолжения, и Викентьев продолжил: — Так вот, когда я осматривал тело, то обнаружил странную вещь... В правой руке Пядникова было зажато вот что... — Викентьев сделал предупредительный знак рукой и полез в боковой карман пиджака. Вынул маленькую блестящую жестянку, в каких обычно хранят вазелин, и протянул начальнику сыскной.

— Я так понимаю, мне её нужно открыть? — спросил полковник, взяв в руки коробочку и стуча по металлической крышке ногтем.

— Да, откройте!

В жестянке лежал шарик телесного цвета величиной с голубиное яйцо и чуть приплюснутый с боков. Местами из него торчали короткие тёмные волоски. На ощупь шарик был мягкий, податливый и слегка липкий. Покрутив его в пальцах, Фома Фомич положил назад в коробку.

— Не понимаю, что это и почему показалось вам странным?

— Я сейчас всё объясню, — на мгновение прикрыв глаза, медленно мотнул головой Викентьев. — Это воск. Как вы, наверное, смогли заметить, воск крашенный, более того, в него подмешаны волоски. Мне удалось выяснить, это человеческие брови...

— Воск с человеческими бровями? — удивился начальник сыскной. — Но мне всё равно непонятно...

— Когда я осматривал тело Пядникова, то обнаружил шарик зажатым в правой руке трупа. Сначала мне это показалось пустяком, но потом я задумался, а как, собственно, этот воск туда попал?

— Думаю, в этом нет ничего загадочного, — пожал плечами фон Шпинне. — В салоне восковых фигур можно очень легко испачкаться воском. Достаточно коснуться руками одной из выставленных скульптур, а время сейчас летнее — жара, даже ночью нет отдохновения...

— Это первое, что пришло мне в голову, — кивнул доктор и облизал полные губы. — Но ни одна из выставленных в зале фигур не повреждена! Я провёл, вы уж извините, — Викентьев смущённо улыбнулся, — собственное расследование.

— Значит, Пядников испачкался в другом месте, — повёл плечами Фома Фомич, — где-нибудь в подсобном помещении, в мастерской. Ведь там должна быть комната, где они приводят эти фигуры в порядок.

— Да? — Оптимизма во взгляде доктора поубавилось; он грустно изогнул губы и, перебегая глазами из стороны

в сторону, проговорил: – Может быть, вы и правы... Значит, я зря вас потревожил, оторвал от дел?

– Нет, нет! – энергично помогая себе руками, решительно запротестовал начальник сыскной. – Возможно, всё наоборот – прав не я, а вы! Может быть, воск, зажатый в кулаке покойника, оказался там неслучайно. И у меня возник вопрос.

– Да, я вас слушаю! – с готовностью подался вперёд доктор.

– Вы говорите, что у Пядникова не выдержало сердце, так?

– Да, всё верно.

– А что? Он и раньше к вам обращался по поводу, – начальник сыскной коснулся рукой той стороны, где находится сердце, – или посещал другого врача?

– Нет, Пядников, скажем так, наблюдался у меня, но дело в том, что он не хотел, чтобы о его хворях знали другие, потому навещал меня инкогнито, всегда приходил поздно вечером и строго-настрого наказывал никому ничего не сообщать, даже дочери.

– Вы прописывали ему какие-то лекарства?

– Разумеется! – Во взгляде доктора промелькнула тень сомнения, а не зря ли он пришёл в сыскную, – может, нужно было просто-напросто выбросить этот воск и забыть обо всём?

Начальник сыскной задавал вопросы автоматически, он даже не знал, пригодятся ли ему ответы Викентьева в дальнейшем или нет: фон Шпинне привык трудиться с отдачей, чтобы ни у кого даже не возникало мысли в том, что он делает свою работу спустя рукава.

Знаете что, Николай Петрович, оставьте мне эту жестянку с шариком...

– Да я, собственно, и не хотел её забирать...

– Вот и замечательно! – Фон Шпинне заёрзал на стуле, давая тем самым понять, что у него кроме беседы

Смерть в салоне восковых фигур

с доктором ещё есть дела. — В ближайшее время постараюсь во всём разобраться. Спасибо за бдительность! — Это было сказано уже вслед покидающему кабинет начальника сыскной Викентьеву.

* * *

После ухода доктора начальник сыскной закрыл жестянку и забросил вглубь самого нижнего ящика стола, надеясь забыть о ней и больше оттуда не вынимать. Затем тщательно вытер руки платком.

Однако забыть у Фомы Фомича, сколько тот ни старался, так и не получилось, шарик точно приклеился к памяти и весь день, а потом ещё и ночью не давал полковнику покоя. Под утро даже приснился. С полковником подобные казусы случались, но крайне редко. Эти докучливые мысли и заставили фон Шпинне следующим утром изменить свой обычный маршрут, по которому он добирался на службу.

